

СОНЯ КАТЦЕВИЧ

ЧЕРНИЛЬНЫЙ
ДЖАЗ

Соня Капилевич
Чернильный джаз.
Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30019560

SelfPub; 2018

Аннотация

«Чернильный джаз» – это тексты, которые в рифму. Ну, стихи. «Поэзия» – совсем громкое слово. Отпугивающее. Здесь, как и в любом джазе, звучат разные темы и голоса, попадают синкопы и рефрены. Здесь – только малая часть того, о чём хочется говорить с читателем. Если «Чернильный джаз» оказался у вас в руках – дайте этой музыке шанс. Возможно, её мелодия надолго останется с вами.

Содержание

И.	7
Маргарита	10
Марла	12
Притча о поющем ветре	14
Турандот	17
Орфей (джаз)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

An abstract graphic consisting of several black ink-like marks on a white background. There are two long, vertical, slightly irregular strokes on the left side. To their right, there are two smaller, roughly circular or oval shapes, one above the other. Above the top of the long strokes, there is a vertical line of small, dark dots. The overall appearance is that of a splash or a series of quick, gestural marks.

(Реприза - раздел музыкального произведения, в котором излагается повторение музыкального материала в исходном или изменённом виде)

И.

И хором твердили: не связывайся, не трожь. Он странный, Учитель. Он холоден. Не похож. Пусть катится в Кариот свой, забудет обратный путь. Да, папа – он мне не верил. Но именно в этом суть.

И хором скулили: мы верные псы, а этот – отдаст за грош. Да, папа, он отвратителен, но именно тем хорош. Мы стояли тогда у Виффагии, я велел им добыть мне скот. Все рванули к воротам. Он – замер.

– Иуда Искарот!

И хором галдели: Иуда, не стыдно? Вернулся мессия, наш Бог, пророк, приведи двух ослов, расскажи народу, пусть бросают одежды, срывают дрок!

Он стоял и смотрел своим острым глазом.

Говорили потом, что в глазах – наждак.

И ответил, когда все ушли,
не сразу:

– Учитель, вернуться без шоу – никак?

И хором шептали, не знали, злились, – он вызвал массовый интерес. Да, папа, он темный, тяжёлый, страшный – не все мы созданы для небес. Я ему показал как-то старый фокус – кувшин воды превратил в вино. Он сказал нерешительно, щурясь, морщась:

– Законы физики. Всё равно.

Да, папа.

Папа, в нём было что-то, чего боялся я и молчал. Основа жанра: любому Богу – найти хорошего палача. Как стать героем, когда всё ровно, когда все преданы, как щенки? И он был лучшим из всех подобных. Из всех, кто делает вопреки.

Я висел там, папа, и долго думал: какой театр – толпа, кресты. И всё для того, чтобы кто-то спутал, запечатлев это на листы. И пишут: продал, предатель, изверг, пытать, повесить, рубить мечом.

Кто без Иуды я, папа?

Папа,
и вся история –

ни о чём.

2017

Маргарита

Маргарита берёт цветы. Маргарита идёт искать.
Признаётся себе и Богу:

– Я более не могу
делить с ним весну,
квартиру,
пол,
потолок,
кровать.
Есть конфеты с нугой за кофе.
Вообще не люблю нугу.

Маргарита несёт цветы. Маргарита не чует ног.
Признаётся себе и Дьяволу:

– Всё положу под нож.
Я брошусь в объятия к чёрту, пулю пушу в висок,
если ты меня, милый Мастер, немедленно не найдёшь.

Тверская людьми забита. В Москве тёмно-серый день.
Цветы обжигают пальцы, лимонным огнём горят.
– Дай знак или звук мне, Мастер. Я буду верна, как тень.
Я стану кровавым подбоем
плаща, что носил Пилат.
Крестом на твоём распятыи,
я стану – тепло и свет.

Поверю твоим героям,
когда не поверишь ты.
Явлюсь полуночным страхом
любому, кто скажет «бред».

Какой идиотский повод.
Вообще не люблю цветы.

Лепестки на асфальт ложатся искрящимся конфетти.
– Если кто-нибудь свыше слышит, – Маргарита почти
кричит, –
объясните: какого Воланда? Где он? Куда идти?

И в ответ ей смеётся жёлтыми
окнами МАССОЛИТ.

Маргарита вернулась в дом. Маргарита сама – цветы.
Маргарита – почти мертва. Маргарите Арбат – капкан.
Маргарита – сухие стебли, уставшие без воды.

О чём теперь будет этот –
последний,
цветной
роман?

2018

Марла

И что тебя напугало, Марла? Что ты стоишь, побелев, как марля, и шепчешь горько: «Остановись»? А я теперь не хожу по граблям, наш город мёртв, каждый в нём отравлен. Они заслуживают расправы, какая жизнь?

Вся жизнь – игра, я устал, как лошадь, и что теперь от меня ты хочешь, они не стоят твоей подошвы, они грешны. Пьют шоты в барах, хранят жилплощадь, меняют маски, как змеи – кожу, хотят богаче быть и моложе, не ждут войны.

Не надо, Марла, сейчас начнётся такая сказка, что даже Гоцци подобной выдумать бы не смог. Все сладко спали в своём болотце, купали шубы, машины, кольца, а я – с улыбкой народовольца спустил курок.

Я небоскрёбы сломал, как щепки, дороги, стены изящной лепки, тела растёрты по магистралям, тела горят. Я не Господь, я всего лишь Тайлер, обычный парень в дурацкой кепке, вся жизнь – игра, бесконечный трейлер, вот шах и мат.

И утро вечера мудренее. Я бросил город к твоим коленям, мы будем первыми в новой эре, ну не кричи. Ну

не смотри на меня так страшно, всё это – миф, их дома и башни, в одной руке я твою сжимаю, в другой – ключи.

Пойдём же, Марла, там лишь руины, салат из мяса, костей и глины, там тихо, Марла. Там очень тихо. Молчит Земля. Земля устала за век свой длинный, я дал ей дозу новокаина, теперь мы оба, как в древней книге, начнём с нуля.

2017

Притча о поющем ветре

Той зимой я хотела галькой осесть на дно. Обещала всем: решено. Решено, решено, ре-ше-но. У меня есть уютный дом. Есть огневолосый Ру. Мы спим у окна. Варим суп. Носим хлам в нашу тихую конуру. Той зимой у обочины карты сожрал костёр. Впервые без нас остывал в тишине простор. Ру говорил:

– Начинается новый мир.

Ру говорил:

– Отболит и забудется, милая, потерпи. Ты излечишься, ты отвыкнешь ехать, бежать, менять, ты полюбишь ромашковый чай, икеевскую кровать, ветер больше не будет петь, и дорогу покроет пыль, и декабрь, как белый плед, до весны усыпит ковыль.

Я кивала, и верил Ру. Или попросту делал вид. Выходила во двор, пока Ру мой так беззаботно спит. И смотрела туда, где тьма образует линейный край. И за краем горел Амстердам, Петербург, Назарет, Синай.

Той зимой лишь одно не узнал мой верный красавец Ру.

Ветер всё ещё шёл за мной через Альпы, Непал, Перу.
Ветер в окна стучался ночью и плакал:

– Беги,
беги,
от транквинте,
его улыбки,
его золотой серьги.

Ветер выл, путал волосы, бился, стонал и манил с собой:

– Мы не видели Брюгге,
Карпаты,
Венецию
и Ханой.
Не бойся меня,
родная,
я холода не хотел –
но у нас ещё много,
так много,
так много,
так много
дел.

Под утро я возвращаюсь. Ложусь. Обнимаю дочь. И кажется, что приснилась мне та неземная ночь – где серые небоскрёбы царапают облака, где фрески писала в прошлом давинчевская рука, где вьётся через долину забытой реки змея.

Куда ты уходишь, ветер, когда я ещё твоя?

2017

Турандот

Стала ничейной жестокая Турандот.

Зал опустел.

Чисто выметен пол.

Совет разошёлся – печален и негодующ.

Что же ты не кривишь, Турандот, свой алый кусачий рот?

Что же ты занавесила окна?

Что же ты не танцуешь?

У евнухов пир.

Труффальдино мертвецки пьян.

Трещат барабаны во славу своей принцессы.

Почему тебе хочется вон из дворца,

к лицам траурных горожан?

Почему твоё тело всю ночь не находит места?

Вспоминай.

Безымянный.

Боролся, как только мог.

За спиной его были года дорог,

замерзал Тибет,

догорал Маньян.

Три загадки открылись ему легко.

Все хотели пощады –

служанки,

король,
Диван.

Плакал отец твой:

– Вырастил дочь – получил кинжал.

Посмотри на него, бездушная.

Стань покорной,

спокойной,

мудрой.

Что он узнал в тебе, Турандот?

Как он главное разгадал?

Как его голос вспорол вуаль,

сдул с тебя спесь

и пудру?

Почему говоря:

– Казнить! –

твой оскал дрожал?

Шёлк постели был как наждак?

Жёг сандал дымившихся благовоний?

Почему на его убийство,

побелевшая,

как крахмал,

ты смотреть не сумела

с балкона своих покоев?

Его голова так прекрасна на ржавом копье ворот.

Пекин почернел.

Псы забились в дома.
Бродят ветры и полтергейсты.
Ты одна, Турандот.
Пой, Турандот.
Пей, Турандот.
Будь, Турандот.
Ты победила, красавица.
Смейся.
Смейся.

2016

Орфей (джаз)

Я вернулся.
Вернулся оттуда, мой друг,
где море – девятый вал,
где горы – девятый круг,
где умирают часы,
к пределу стремится ртуть,
я вернулся оттуда,
мой друг.

Я хотел бы тебя вернуть.

Джаз мой входит в тугую воду,
джаз мой режет аидов слух.
Друг мой, только побудь ведомой,
джаз возьми из холодных рук.

Джаз мой пел то в протухшем баре,
то в борделе,
где громче медь,
но,
мой друг,
никакие твари
не заставят его не петь.

Джаз мой Церберу – сон тяжёлый,
Стиксу – мост
и Харону – пляс.
Не касаясь земли подолом,
друг мой, только иди на джаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.